

УДК 821.161.2-1.09

Винник Т.А.

Сюжетная модель медитации и думки как форма авторского сознания

Винник Татьяна Анатольевна, аспирант Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, член Национального союза писателей Украины, лауреат Международной украино-немецкой премии имени Олеся Гончара, премии «Благовест» и др., главный редактор детского журнала «Крылатые»

E-mail: vunnuk_nspu@ukr.net

В статье рассматривается структура лирического сюжета в жанрах медитации и думки на примерах поэтических произведений Б.-И. Антоныча, Н. Винграновского, В. Герасимюка, М. Рыльского, В. Свидзинского, В. Стуса, Л. Талалая. Предложена сюжетная модель, состоящая из трех основных компонентов: микроуровня, макроуровня и метауровня.

Ключевые слова: медитация, думка, лирический сюжет, лирический герой, организация лирического текста.

Два традиционных для украинской поэзии жанра – медитация и думка – отличаются сложной организацией, особой эмоциональностью и философичностью содержания, глубоким проникновением в сущность экзистенциальных проблем. Соответственно, изучение структуры сюжета этих видов поэтических произведений необходимо для более глубокого понимания текстов экзистенциальной проблематики и их построения, однако поставленная задача осложняется тем, что в современном литературоведении нет единого подхода к определению сущности и способов выражения лирического сюжета. Более того, лирику зачастую считают бессюжетным родом литературы.

В целом лирический сюжет Н.И. Копылова определяет как «рассказ, действие эпического типа, которое ограничено в количественном и качественном соотношениях особенностями лирического рода»¹, то есть исследователь при определении сюжета в лирике делает акцент на фабульности произведения. Л.С. Левитан и Л.М. Цилевич отмечают, что «в лирике события происходят во внутреннем субъективном мире автора, который одновременно появляется единственным героем своего произведения»². По мнению Т.И. Сильман, сюжетотформирующим событием является непосредственное состояние героя, а лирический сюжет появляется как развертывание мгновения лирической концентрации³. Согласно концепции Л.Н. Синельниковой, функцию сюжетостроения в лирическом произведении выполняют лексические и стилистические средства. Исследовательница отмечает, что сюжет формируется благодаря «особому художественному ряду», который выражается лексическими средствами во всех его проявлениях (полисемия, повторы, тропы и др.)⁴.

В украинском литературоведческом словаре-справочнике отмечено, что «в сюжетном аспекте медитация – это поток сознания, который направляется стремлением разобраться в себе, в людях, в каком-то жизненном явлении»⁵. Там же указывается, что думка – это жанр (вид) небольшой медитативно-элегической (печальной) поэзии⁶.

Жанры медитации и думки имеют родственные сюжетные характеристики, общие мотивы, для них характерна схожая система поэтических средств и образов. Реализуется в них и общая композиционно-сюжетная модель, которая имеет условный характер, однако проявляется в большинстве произведениях, принадлежащих к указанным жанрам. В медитациях и думках объективируется следующая типичная трехкомпонентная композиционно-сюжетная модель:

1. Отображение внутреннего мира лирического субъекта на микроуровне. Здесь происходит художественное осмысление лирическим героем собственного внутреннего состояния, переживаний и эмоций, определяется место и роль лирического субъекта в мире.

¹ Копылова Н.И. О многозначности термина «сюжет» в современных работах о лирике (к историографии вопроса) // Сюжет и композиция литературных и фольклорных произведений. Воронеж, 1982. С. 108–116.

² Левитан Л.С., Цилевич Л.М. Сюжет в художественной системе литературного произведения. Рига: Зинатне, 1990. С. 447.

³ Свидзинський В. Вибрані твори / Упоряд. Елеонора Соловей. К.: Смолоскип, 2011. 502 с. (Серія «Розстріляне відродження»). С. 187.

⁴ Синельникова Л.Н. Лирический сюжет в языковых характеристиках. Луганск: Редакционно-издательский отдел облуправления по печати. 1993. С. 51.

⁵ Літературознавчий словник-довідник. За редакцією Р.Т. Гром'яка, Ю.І. Коваліва, В.І. Теремка. К.: ВІЦ «Академія», 2007. С. 445–446. (Перевод мой – Т.В.).

⁶ Там же. С. 219. (Перевод мой – Т.В.).

2. Отображение внутреннего мира лирического субъекта на макроуровне. Лирический герой обращается к внешней (объективной) действительности, сквозь призму эмоций и чувств осмысливает свою взаимосвязь с обществом, анализирует отношения между людьми, исследует бытийные принципы существования человечества.

3. Отображение экзистенциальных отношений лирического субъекта с окружающим миром на метауровне. Здесь в поэтическом произведении выстраивается аксиологическая вертикаль лирического субъекта в масштабах макрокосма. Происходит расширение мировоззрения, лирический герой разрешает мировоззренческий конфликт и координирует последующие свои действия.

Проиллюстрируем функционирование этой сюжетной модели на примерах.

Лирика Б.-И. Антоныча отмечена бытийной наполненностью, философским содержанием и совершенством форм. Стиль поэта оригинален и самобытен. Для его медитативной лирики характерны следующие сюжетные особенности:

1. Неразрывная связь лирического субъекта с космосом, природными силами, языческими мотивами. Лирический герой погружается в собственное внутреннее бытие, анализирует каждое движение своей души, осуществляет медитативные практики.

2. Противопоставление урбанизированной среды и сельских пейзажей, поэтическое исследование давних традиций и верований.

3. Провозглашение искусства и природы самыми значительными категориями в жизни. Только связь с природными силами может подарить настоящее чувство счастья и удовлетворение.

На последнем следует остановиться подробнее. В медитативной лирике Б.-И. Антоныч указывает на свою неразрывную связь с природой и космосом, объясняет свои поэтические способности даром природы. Концепт Матери-природы является центральным в творчестве поэта. В «Автобіографії» лирический герой называет себя «закочаним в життя поганином»¹, провозглашает свою связь с древнейшими языческими верованиями, традициями и культурой.

В философско-медитативной «Пісні про незнищенність матерії» лирический герой отмечает, что ничего не исчезает в мире, а лишь превращается во что-то другое, приобретает другую форму. Лирический герой становится мудрым лисом, который лежит под папоротником и наблюдает вечное течение, течение времени: «Прокотяться, як лява, тисячні століття...»², он ощущает себя «...накритим небом і обмотаним піснями...»³, пребывая в таком состоянии во внутренней гармонии и спокойствии.

В «Праліті» лирический герой представлен мыслителем, равно тонко воспринимающим свет и тьму, день и ночь; единственное его желание выражено слеующими строками: «Тут не бажаєм більш нічого – / обкутатися мохом сну, / в прапервісний природи морок, / в прадавню впасти глибину»⁴.

Лирический герой «Вишень» не просто воспекает гармонию человека и природы, он смотрит на человека как на часть биоса: «Антоніч був хрущем і жив колись на вишнях, / на вишнях тих, що їх співав Шевченко...»⁵, то есть происходит полное поэтическое отождествление вегетативного и антропоморфных кодов в мироздании.

В целом о медитативной лирике Б.-И. Антоныча можно говорить как о самобытном поэтико-философском осмыслении проблемы человека и природы, их неразрывной связи.

Медитативной лирике Николая Винграновского присущее обращение к национальным и патриотическим образам: в сюжетно-композиционной структуре медитаций поэта важное место занимает образ Родины.

Схема сюжетной модели жанров медитации и думки здесь такова:

1. На бытийном микроуровне лирический герой поэзий Н. Винграновского осмысливает не только себя и свое место в мире, но и анализирует собственную жизнь в неразрывной связи со своим родным краем, своим народом, таким образом, осмысление это имеет ярко выраженный национальный колорит.

2. Макроуровень поэтического мира лирического героя включает не только собственно внешнюю среду, но и исторические потрясения Украины, социальные и политические условия развития родного края, непосредственно влияющие, по Н. Винграновскому, на формирование и становление личности.

3. Метауровень медитативной лирики поэта конструирует концептуальную картину мира лирического героя, где в центре Вселенной находится родной край, Украина, как центр Вселенной.

В стихотворении «Український прелюд» лирический герой Н. Винграновского отождествляет себя с Украиной, создает единое индивидуальное целое: «Тоді ти стала мною, Батьківщино, / А я тобою на світанні став – / І свої очі я відкрив крізь тебе... / Ти поселила в серці мій народ...»⁶. В лирике происходит переосмысление мироздания, Родина неразрывно связывается со Вселенной, в ряде случаев, как отмечалось, изображается

Богдан-Игорь Васильевич Антоныч (укр. Богдан-Ігор Васильович Антонич, польск. Bohdan Ihor Antonysz; 1909–1937), украинский поэт, прозаик, переводчик, литературовед

Николай Степанович Винграновский (укр. Микола Степанович Вінграновський, 1936–2004), украинский писатель, режиссер, актер, сценарист и поэт

¹ Антоныч Б.-И. Зелена Євангелія: поезія, драматургія, проза, статті / Упоряд., передм., прим. Д.В. Павличка. К.: Веселка, 2009. С. 75.

² Там же. С. 131.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 99.

⁵ Там же. С. 166.

⁶ Вінграновський М. С. Вибрані твори / Передм. І. Дзюби. К.: Дніпро, 1986. С. 30.

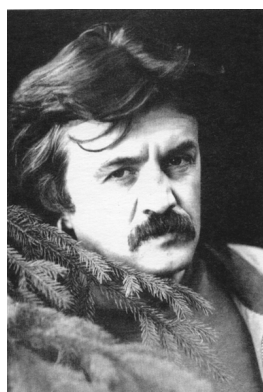
как центр земли: «Вже чуть, як обертається Земля, / обертається з Землею Україна...»¹.

Лирический герой провозглашает свое прямое отождествление с родной землей, происходит акт собственной идентификации через национальную и патриотическую составляющую: «Нема мене – якщо тебе нема! / Немає космосу, якщо тебе не буде! / Нема нічого! – хаос, і п'ятьма, / І вічне царство тиші і огуди!...»².

Сборник «На срібному березі» справедливо считается вершиной философско-медитативной лирики Н. Винграновского. В этой поэтической антологии собраны произведения, преисполненные глубокими жизненными размышлениями с содержащими элементы интимной и философской лирики.

Метафорически переосмысливает поэт текучесть времени и человеческой жизни: «Вже неминуче буде сніг / З хвилини на хвилину... / Заніс цей сніг і наш поріг, / І в полі бадилу»³, его лирические строки вбирают в себя ряд фольклорных образов, ассоциаций и образов. «В художественной интерпретации фольклорных источников Н. Винграновский отводит весомую роль персонификации растительного мира, который удостоверяет закориненість образности его стихотворений в этномифопоэтическую систему украинской нации»⁴. Центральное место в мифопоэтический картине мира лирики Н. Винграновского занимает образ Мирового дерева, которое объективируется изоморфами первого порядка (липа, яблоня, тополь, дуб, калина и др.). В «Тополі» лирический герой желает вернуться на Родину, чтобы «...Плугами чорнокрилим орать / І тополята в полі поливать, / І поливати землю тополину...»⁵.

Художественная модель здесь строится в трех измерениях: внутреннее состояние лирического героя, образ Украины, гармонический универсум: «Бо йдуть літа буремною ходою. / Різнити важко пустоцвіт од цвіту... / І той любов'ю повниться до світу, / Хто рідну землю має під собою...»⁶, то есть целостность внутреннего мира лирического героя невозможна на чужбине, патриотический компонент играет определяющую роль в творчестве Н. Винграновского.

Герасим'юк Василь Дмитрович (укр. Василь Дмитрович Герасим'юк, р. 1956), український поет, лауреат Національної премії ім. Тараса Шевченка

Творчеству Василия Герасим'юка присущ особый мифологизм, мистицизм и экзистенциальность. Его поэтические строки «имеют своеобразный повествовательный-монотонный ритм, который буквально очаровывает, вводит в легкий психологический транс»⁷. В поэтических сборниках «Поет у повітрі», «Тонка свіча», «Старий Завіт», «Діти трепети» и др. выстраиваются особенные ценностные ориентиры, присущие исключительно поэзии В. Герасим'юка, его лирический герой всегда находится в поиске, делая важный бытийный выбор.

Так, «Осінь пси Карпат» – это медитация, являющаяся поэтическим отображением и осмыслением жизни одинокого лирического субъекта среди враждебного окружения. Исходный момент произведения изображает лирического героя в движении: «Іду – немов траву чиюсь толочу <...> Та озирнутись хочу, // поглянути на слід бодай разок...»⁸. Лирический герой описывает свое внутреннее состояние (микроуровень), двигаясь вперед по определенной дороге, при этом дорога может рассматриваться в нескольких планах: дорога объективной реальности и дорога жизни. Далее следует поэтическое осмысление макрокосма лирического субъекта, который воплощается в образе «псов Карпат»: «аж мениша псота кумельгом іде! / Їх спини жовті, їх зіниці білі. / Їх лапи відігріті у золі. / Їх тазди мокрі в тихому похміллі. / Їх зорі вічні, їх таздині злі...»⁹.

Окружающий мир преследует лирического героя, являя собой враждебное и злое начало. Однако в следующем сюжетно-композиционном элементе лирический герой принимает решение: «А ти ідеш – печаль чиюсь толочиш <...> / Часом озирнутись хочеш, / немовби хтось тебе наздоганя»¹⁰. Бытийный метауровень медитации раскрывает ценностную вертикаль лирического субъекта, которая воплощается в постоянном

движении вперед, невзирая на жизненные преграды, олицетворением которых оказывается образ псов. В медитации «Я знаю, від чого я гину»¹¹ герой принимает на себя полную ответственность за свою жизнь, решает сложный внутренний морально-этический конфликт. Герой сознательно отказывается от «крови чужой», осуществляет акт самопожертвования и прощается с окружающим миром. Макрокосм медитации реализуется через образ «зверя» – метафору общества, способного добывать в борьбе себе право на жизнь даже ценой крови. Лирический герой отказывается от такой жизненной концепции и избирает смерть, после которой «душа ... зла зароста».

Поэзия В. Герасим'юка провозглашает полную ответственность человека за собственную жизнь – дорогу. Мифологема дороги является одной из центральных в творчестве поэта, особым образом пространственно организуя свои лирические тексты. События в лирике поэта происходят, как правило, в дороге, ведущей вверх, или на определенной высокой местности (гора, горная долина и т.д.). Например, в «Живій ватрі» дается изображение выведения отар на гору: «Ми знову введем наші отари на наші гори»¹². Гора здесь – объективация мифопоэтического образа Мирового дерева, структурирующего пространство в миропонимании человека и символизирующего жизненную вертикаль. Гора в «Живій ватрі» оказывается ипостасью библейской горы Синай: «Ми заледве не стали отарою / на

¹ Там же. С. 30.

² Там же. С. 210.

³ Там же. С. 113.

⁴ Фоміна Л.Г. Флористична символіка в художньому світі. Вінграновського: фольклорна традиція та авторське «Я» // Філологічні трактати. 2011. Т. 3. № 1. С. 34. (Перевод мой – Т.В.).

⁵ Герасим'юк В. // Герасим'юк В. Космацький узір. К.: Радянський письменник, 1989. С. 134.

⁶ Вінграновський М. С. Вибрані твори... С. 134.

⁷ Там же. (Перевод мой – Т.В.).

⁸ Герасим'юк В. Була така земля: поезії, поеми. К.: Факт, 2003. С. 69.

⁹ Там же. С. 69.

¹⁰ Там же. С. 123.

¹¹ Там же. С. 123.

¹² Герасим'юк В. Космацький узір. К.: Радянський письменник, 1989. Електронний ресурс. Режим доступу: <http://poetyka.uazone.net/herasymyuk/zavit09.html>

високім пасовиську. / Але коли ми навіть, як отара, / пройдемо крізь неї, / тоді дамо іншим дорогу до Сінаю...»¹. Таким образом, гора являет собой квинтэссенцию жизни, которая, в свою очередь, есть неустанный движение вверх.

В «Монологі вар'ята», по жанровым признакам являющемся думкой, лирический герой обращается к окружающему миру (макрокосму): «*Дайте дорогу*». «Вар'ят», то есть безумный, осознает собственный путь в жизни и просит не мешать достичь поставленной цели. Герой не боится «*ні погроз, ні образ*», а лишь обращается к окружающим с предупреждением: им остается «*дороговказ*», который является ориентиром для того движения, что в конечном итоге останется лишь «*безглуздом крахом напоказ*»². Особенность этой поэтической наработки в том, что это монолог, то есть лирический герой, хотя и обращается к окружающему макрокосму, в конечном итоге остается неслышанным и одиноким.

Поэтический мир Василия Герасимюка – это воплощение особой картины мира, основанной на самопожертвовании, самоанализе и непрерывном движении вперед.

Система медитативной-философской лирики Максима Рыльского выделяется яркостью поэтических образов и мотивов, многоаспектностью тем и размышлений, особая роль в ней принадлежит категориям красоты, гармонии и творчества. Проблема последнего – значение и место поэта в окружающем мире – занимает определяющее место в поэзии М. Рыльского, полагающего, что поэту «*Не валять торжища, і оргія не надить, / І марно точиться, немов солодкий плин, / Музика в далечі. Серед суворих стін / Нїму розмову з ним суворий хтось провадить*»³. Настоящий художник не покоряется законам толпы, его не влекут обычные развлечения, для поэта важно сосредоточение на внутреннем состоянии. Особенностью поэтической манеры поэта является расширенное понимание творчества: к творческому процессу М. Рыльский относит деятельность не только признанных художников, но каждого, кто занимается благоустройством мира и конструирует новую реальность: «*Тільки ти не дався чарам півдня й супокою, / бо, як сестра, схилилась над тобою / невтомна подруга сувора творчість*»⁴.

В структуре лирического сюжета медитативной поэзии Максима Рыльского можно выделить следующие особенности:

1. Расширение монолога лирического субъекта медитаций до диалога с читателем и даже полилога со Вселенной.
2. М. Рыльский изображает внутреннее состояние лирического героя не одномоментно (в статике), а в динамике (от юных лет до зрелости).
3. Категории гармонии и красоты – основа системы поэтических координат поэта.

Важное место в медитативной системе М. Рыльского занимает интимность чувств, изображения природы и внутренних переживаний. Структура лирического сюжета в медитациях поэта строится не только на глубинном самоанализе лирического субъекта – происходит вовлечение читателя в философский разговор. Например, в стихотворении «Опівдні» Рыльский обращается к читателю: «*Спочинь! На заступ вірний обіпрись, / і слухай, і дивись, і не дивуйся*»⁵. То есть происходит внутренний и внешний диалог в структуре медитативного текста.

Своеобразие медитативной лирики М. Рыльского выражается в особой пространственно-временной организации текстов поэта. Принадлежность последнего к группе украинских неоклассиков проявилось во всех поэтических признаках его философско-медитативной лирики. Мы уже отмечали, что Рыльский показывает расширение личного пространства лирического героя – расширение от микрокосма лирического субъекта до общего макрокосма: «*Бери сакви, і рідний дім покинь, / І пий холодну, мовчазну глибіню / На взліссях, де медово спіють дині!*»⁶.

В своих медитациях М. Рыльский активно обращался к размышлениям о течении времени, роли, индивидуального и общего в жизни («*Студений вітер б'є в холодні вікна...*», «*Година й негода*»). Важной характеристикой творчества поэта является его оптимизм и надежда на лучшее («*Осіnnий холодок над спраглою землею...*», «*По теплому дощі...*»), именно сквозь призму оптимистичных настроений и веры в лучшее будущее и происходит осмысление бытийных вопросов в медитациях поэта.

Медитативная лирика Владимира Свидзинского тесно связана с фольклором и народной песней. Поэт философски осмысливает мироздание, человека и природу, используя в своих философско-медитативных произведениях метафоры, фольклорные ассоциации, поэтические обобщения и оппозиции.

Важную роль в поэзии Свидзинского играют экзистенциальные мотивы и образы, натурфилософия. Мотивы любви и смерти доминируют в его творчестве. В сборнике «*Ліричні поезії*» любовь предстает эмоционально и страстно. Объективное и субъективное измерения совмещаются, появляются мотивы сна и забвения.

В «*Нерозвійно нагула над мокрим вікном...*» царит мотив одиночества и потерянности. Лирический герой Свидзинского испытывает глубокую грусть и печаль в разлуке с любимой, понимая, что она больше не вернет-

Максим Фадеевич Рыльский (укр. Максим Тадейович Рильський; 1895 – 1964), украинский советский поэт

Свидзинский Владимир Евтимович (укр. Володимир Євтимович Свідзинський, 1885–1941), украинский поэт и переводчик

¹ Там же.

² Там же.

³ Рыльский М. Поэт // Рыльский М. Сонети. К.: Молодь, 1974. Электронный ресурс: Режим доступа: http://www.poetry-club.com.ua/metr_s_poe_m.php?poem=1728

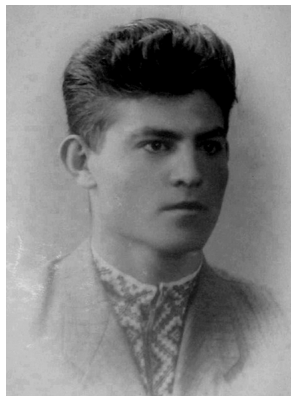
⁴ Там же.

⁵ Рыльский М. Вибрані твори: лірика і поеми. К.: Дніпро, 1974. С. 54.

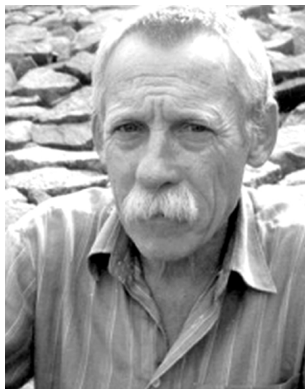
⁶ Там же. С. 42.

ся: «*Ні вечірня зоря, ані рання, / Ні з далеких, ні з близьких доріг / На мій забутий поріг / Милого голосу не приведуть*»¹. Внутреннюю любовную драму переживает и лирический герой стихотворения «Холодна тиша», приходя к следующему выводу: «*Три радості у мене неодіймані: / Самотність, труд, мовчання. Туги злобної / Немає більше. Місяцю надламаний, / Я виноград відновлення у ніч несучу. / На мертвім полі стану помолитися, / І будуть зорі біля мене падати*»².

В стихотворении «Маятник натовивсь» автор экзистенциально осмысливает текучесть жизни, и здесь возникает тема ритмичного поэтического повторения движения маятника: «*Маятник натовився. / День, ніч, / Літо, зима – / Дебелу тишу гойдай, гойдай, / Маятник дихає, як ранений*»³. Возникают и образы природы (подолье, реки, поля, горные долины и т.д.), – олицетворения внутренних душевных переживаний, повторяемости законов природы в жизни, причем акцент здесь делается поэтом на маятниковых движениях в смене природных явлений (день, ночь, лето, зима, осень и др.). Все это позволяет говорить об особом хронотопе медитативной лирики Владимира Свидзинского, наполненной философским содержанием, отвечающей на онтологические вопросы и выстраивающей аксиологическую вертикаль в концептуальной картине мира поэта.

Василий Семенович Стус
(укр. Василь Стус; 1938–1985), украинский поэт, диссидент

Талалай Леонид Николаевич
(укр. Леонід Миколайович Талалай; 1941–2012), украинский поэт, лауреат Национальной премии Украины им. Тараса Шевченко и литературной премии им. В. Сосюры

Важное место в украинской литературе занимает поэзия Василия Стуса – глубоко философская и самобытная лирика, наполненная экзистенциальным осмыслением мироздания, определением путей решения сложных внутренних конфликтов.

Сюжетно-композиционная структура философски-медитативной лирики В. Стуса имеет следующие особенности:

1. Описание внутреннего субъективного мира лирического героя на микроуровне включает детальное изображение пространства. Анализируя собственное внутреннее состояние, лирический герой отмечает место своего пребывания: как правило, это замкнутый локус (темница, лес и т.п.).

2. Сталкиваясь с объективным внешним миром, лирический герой риторически вопрошает о морально-этических ценностях последнего, поднимая проблему грехопадения общества и несправедливости мира.

3. Завершающий этап сюжетного построения медитации – осознание безысходности и обреченности на муки и смерть.

Мотивы страдания и одиночества занимают существенное место в структуре лирического сюжета медитаций В. Стуса. Для его поэзии характерно отображение сложных внутренних переживаний, чувств, передается душевная напряженность лирического героя как результат длительного одиночества и обреченности.

Эти чувства – отчаяния, горечи и обреченности – ярко переданы в медитации «Справляю в лісі самоту», в которой представлены сложные бытийные коллизии: «*Справляю в лісі самоту. / Берези у воді по горло, / мов риби, тріпаються, чорно / в очах. І ластівка проворна / вгорі прокреслює мету. / Справляю в лісі самоту*»⁴. Медитация имеет зеркальное композиционное строение: начало и конец произведения одинаковы. Эффект усиления отчаяния и боли лирического героя достигается за счет использования анафоры и риторического вопроса в конце строфы: «*Агу – агов! Блакитний світе! / лиш листя золоті привіти, / лиш вільхи шерехи на вітрі, / лиш карих лип смеркальні віти, / тут поночіти, там ще дніти. / І що я розначем зову?*»⁵.

В медитации «З гіркотою...» лирический герой сетует на собственное бессилие и тоску: «*Перериватись ніхто не може з нас: / наш крик: безсиллий. / Довго очікувана попереду, минає молодість, / лишаючи тугу німого – за словом, / тугу каліки – за ампутованими кінцівками. / Коли нас облишає голодний біль, / ми, нахилившись над собою, / прозріваємо в полисках / синю вічність*»⁶. Лирический герой В. Стуса наполняется грустью и тоской, чувствует растерянность и обреченность – боль и бессилие страдающей личности, пытающейся найти жизненную гармонию и целостность, однако находящийся и в постоянных поисках смысла жизни лирический герой поэта, именно осознав этот смысл, испытывает нестерпимую боль от осознанного безвыходного положения: «*Чорнобривий / засмучений / біль / сиву голову з яру вистромлює, / повесіння вимолує / в сотні білих збайдужених більм*»⁷.

Центральное место в концептуальной картине мира поэзии Василия Стуса занимает внутреннее бытие человека. Поэт осмысливает назначение человека в мире и обращается к философии Г. Сковороды (в «Думи Сковороди»): «*А все те – хто ти, що ти сам, / а все те – ким би стати? – / Однаково: філософом / чи й до отари пастирем. / Однаковісінько. Пусте. / Живеш – і жий. І достат*»⁸.

Творчество Леонида Талалая отличается своеобразным художественно-философским осмыслением действительности. По определению В. Моренца, Л. Талалай принадлежит к «мировоззренческо-духовному сос-

¹ Там же. С. 147.

² Свідзинський В. Вибрані твори / Упоряд. Елеонора Соловей. К.: Смолоскип, 2011. С. 155.

³ Там же. С. 156.

⁴ Стус В. Час творчості / Dichtense zeit / Післямова Стуса Д.В. К.: Дніпро, 2005. С. 28.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 33.

⁷ Там же. С. 86.

⁸ Там же. С. 63.

тоянию новой литературы»¹. Поэзия Л. Талалая удивительна по своей автологичности² и простоте, по мнению самого художника, «поэтический язык должен быть таким же точным, как язык закона»³. Медитативная лирика Л. Талалая поэтически исследует законы мироздания, разрешает сложные философские проблемы. Композиционно-сюжетные особенности жанров медитации и думки здесь таковы:

1. Постигание внутреннего состояния на микроуровне: лирический герой Л. Талалай осмысливает не только собственный внутренний мир, но нераздельно связывает собственное бытие с историей украинской нации. Происходит органическое расширение собственного «я» лирического субъекта до уровня национального сознания.

2. Макроуровень внутреннего осмысления и репрезентации включает анализ культурной наследственности и затрагивается вопрос собственного как индивидуального, так и национального достоинства. Для героя поэзии Л. Талалая невозможное сохранение внутреннего достоинства без сохранения общенациональной чести, национальность является одним из основных маркеров самой идентичности индивидуума.

3. На наивысшем всеобъемлющем метауровне лирический герой конструирует общую картину мира, располагает ценностные приоритеты и определяет свою позицию и место своей нации в универсуме. На данном этапе наблюдается темпоральный сдвиг в организационной структуре лирического текста Л. Талалая: перенесенное в сферу вечности содержание произведения приобретает черты монументальности.

Временной сдвиг в структуре текста мы видим на примере поэтического строя «Кінця зими немає». Зима – метафора грусти и обреченности. Лирический герой ожидает вместе с матерью возвращения отца из ссылки: «Кінця зими немає. / Сиджу біля вікна. / А мама все співає, / що літечко минає / і молодість минає / й не вернеться вона»⁴. Поэт использует образ времен года в качестве маркера времени, отчего смена сезонов в целом в поэзии приобретает характер вечного ожидания и надежды, а само произведение – монументальность и вневременность. «Временной сдвиг призван акцентировать внимание реципиента на идеях, вопросах, чувствах или проблемах того времени, которое изменяет основное время произведения»⁵, «медитативными элементом в творчестве лирика являются интертекстуальные элементы»⁶. Основной категорией времени в медитативной лирике Леонида Талалая является современная действительность и прошлое как каждой личности, так и нации в целом.

В медитации «І попливло вікно вагону» грусть героя предстает в движении: «І попливло вікно вагону, / з якого хусточкою руки / відмахуються від розлуки»⁷. Движение характерно и для всей медитативной лирики Л. Талалая, в которой происходит реализация лирического сюжета через осмысление и движение – расширение – микрокосма к макрокосму. Изображение человеческого бытия подается в динамике, формируется философское осмысление категорий времени и пространства.

* * *

Итак, на примере творчества Б.-И. Антоныча, Н. Винграновского, В. Герасимюка, М. Рыльского, В. Свидзинского, В. Стуса и Л. Талалая показаны особенности и определяющие черты сюжетной организации лирических жанров медитации и думки, что позволяет говорить о сложном строении структуры лирического сюжета данных жанров. Это позволяет сделать следующие выводы:

1. В структуре сюжетного строения медитации и думки обнаруживается сюжетно-композиционная модель, состоящая из трех уровней: отображение внутреннего мира лирического субъекта на микро- и макроуровнях, а также выражение экзистенциальных отношений лирического субъекта с окружающим миром на метауровне.

2. Микроуровень внутреннего мира лирического героя представляет его сосредоточенность на художественном осмыслении собственных сущности и переживаний.

3. Макроуровень внутреннего мира лирического героя образует поэтическое исследование и осмысление героем своей взаимосвязи с миром людей, анализ отношений внутри этого мира и осознание бытийных принципов человеческого существования.

4. Метауровень внутреннего мира лирического героя отображает его взаимосвязь с универсумом, завершает разработку и воплощение жизненных ориентиров.

5. Медитативно-философская лирика каждого из представленных в статье поэтов имеет свои особенности, которые реализуются на поэтических стилевых, синтаксических, содержательных и структурных уровнях.

Несомненно, этими выводами исследование структуры лирического сюжета медитации и думки в творчестве Б.-И. Антоныча, Н. Винграновского, В. Герасимюка, М. Рыльского, В. Свидзинского, В. Стуса и Л. Талалая не исчерпывается, и данное исследование – лишь первый шаг на пути к детальному анализу сюжетов этих лирических жанров.

¹ Моренець В.П. Істина – в дорозі // Талалай Л. Вибране. К.: Дніпро, 1991. С. 6. (Перевод мой – Т.В.).

² Автология (от греч. αὐτός – сам и λόγος – слово; букв. «самословие») – употребление в поэтическом произведении слов и выражений в их прямом, непосредственном значении. Художественная автология противостоит металогической, или фигуральной, речи своей реалистической точностью. (Прим. ред.).

³ Талалай Л. Коли заговорить душа // Слово просвіти. 2001. Т. 4. № 7(85). С. 13. (Перевод мой – Т.В.).

⁴ Талалай Л.М. Безпритульна течія: вибр. поезії / Леонід Талалай. ЕРнівці: Букрек, 2011. С. 148.

⁵ Перетятко М.О. Часовий зсув як індикатор вираження авторської свідомості (на матеріалі лірики В. Стуса, Л. Талалая та М. Винграновського) // Вісник Донецького університету. Гуманітарні науки. 2008. № 2. С. 59.

⁶ Моренець В.П. Істина – в дорозі // Талалай Л. Вибране. К.: Дніпро, 1991. С. 10.

⁷ Талалай Л.М. Безпритульна течія: вибр. Поезії... С. 162.

ЛИТЕРАТУРА

1. Копылова Н.И. О многозначности термина «сюжет» в современных работах о лирике (к историографии вопроса) // Сюжет и композиция литературных и фольклорных произведений. Воронеж, 1982. С. 108–116.
2. Левитан Л.С., Цилевич Л.М. Сюжет в художественной системе литературного произведения. Рига: Зинатне, 1990.
3. Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987.
4. Сильман Т.И. Заметки о лирике. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1977.
5. Синельникова Л.Н. Лирический сюжет в языковых характеристиках. Луганск: Редакционно-издательский отдел облуправления по печати, 1993.
6. Антонич Б.-І. Зелена Євангелія: поезія, драматургія, проза, статті / упоряд., передм., прим. Д.В. Павличка. К.: Веселка, 2009.
7. Вінграновський М. С. Вибрані твори. / Передм. І. Дзюби. К.: Дніпро, 1986.
8. Герасим'юк В. Була така земля: поезії, поеми. К.: Факт, 2003.
9. Герасим'юк В. // Герасим'юк В. Космацький узір. К.: Радянський письменник, 1989. Електронний ресурс: Режим доступу: <http://poetyka.uazone.net/herasymyuk/zavit09.html>
10. Лебединцева Н.М. Міф як пам'ять про вічне повернення у поетичній концепції. Василя Герасим'юка // Наукові праці: Науково-методичний журнал. Т. 141. Вип. 128. Філологія. Літературознавство. Миколаїв: Вид-во ЧДУ ім. П. Могили, 2009. С. 57–60.
11. Літературознавчий словник-довідник. За редакцією Р.Т. Гром'яка, Ю.І. Коваліва, В.І. Теремка. К.: ВЦ «Академія», 2007.
12. Моренець В. П. Истина в дороге // Талалай Л. Вибране. К.: Дніпро, 1991. С. 3–20.
13. Негодяєва С.А. Лірика Леоніда Талалая. Інтертекстуальні параметри. Дисертація кандид. філологічних наук. Харків: Харківський національний університет імені В.Н.Каразіна, 2007. Електронний ресурс: Режим доступу: <https://www.avtoreferat.net/content/view/11377/66/>
14. Перетятко М.О. Часовий зсув як індикатор вираження авторської свідомості (на матеріалі лірики В. Стуса, Л. Талалая та М. Вінграновського) // Вісник Донецького університету. Гуманітарні науки. 2008. № 2. С. 59.
15. Рильський М. Поет // Рильський М. Сонети. К.: Молодь, 1974. Електронний ресурс: Режим доступу: <http://www.poetryclub.com.ua/metr poem.php?poem=1728>
16. Рильський М. Вибрані твори: лірика і поеми. К.: Дніпро, 1974.
17. Свідзинський В. Вибрані твори / Упоряд. Елеонора Соловей. К.: Смолоскип, 2011. (Серія «Розстріляне відродження»).
18. Стус В. Час творчості / Dichtense Zeit / Післямова Стуса В. К.: Дніпро, 2005. (Сер. «Бібліотека Шевченківського комітету»).
19. Талалай Л.М. Безпритульна течія : вибр. поезії. К.: Чернівці: Букрек, 2011. (Третє тисячоліття: українська поезія).
20. Талалай Л. Коли заговорить душа // Слово просвіти. 2001. Т. 4. № 7(85). С. 12–13.
21. Фоміна Л.Г. Флористична символіка в художньому світі Вінграновського: фольклорна традиція та авторське «Я». // Філологічні трактати. 2011. Т. 3. № 1: С. 34–40.
22. Broman W.E. "Lyric Apocalypse: Reconstruction in Ancient and Modern Poetry." *Philosophy and Literature* 10.1 (1986):99-101.
23. Hanneborg K. "Should Poetry Be Considered a Kind of Discourse?" *Inquiry* 3.1-4 (1960):128-135.
24. Kell R. "Content and Form in Poetry." *British Journal of Aesthetics* 5.4 (1965):382-385.
25. Simecek K. "On the Seeming Incompatibility Between Poetry and Philosophy." *Estetika*: 50.1 (2013):27-40.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Винник, Т. А. Сюжетная модель медитации и думки как форма авторского сознания / Т.А. Винник // Пространство и Время. — 2013. — № 4(14). — С. 98—104.

Певец былин в Малороссии.
Гравюра из журнала «Всемирная иллюстрация», 1893, № 42.